

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-296-308

EDN: OZVTNP

Научная статья / Research article

Экономические санкции 1960–2022 гг.: цели, структура, влияние

М.В. Ниязова

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Российская Федерация

 marinav.var@yandex.ru

Аннотация. Экономическая глобализация привела не только к значительным изменениям в международной экономической системе, но и формированию института экономических санкций. Выявлены цели, структура и последствия применения экономических мер давления на суверенные государства в условиях экономической глобализации. Методологически исследование опирается на диалектический метод, предопределяющий изучение явлений в постоянном развитии и взаимосвязи, а также методы сравнительного и структурного анализа, абстрагирования, синтеза и др. Особенностью исследования является привлечение данных Глобальной базы санкций (*Global Sanctions Data Base*) вместе с данными Всемирного банка и Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) о социально-экономических показателях объектов и субъектов санкций с 1960 г. Автор приходит к выводу, что ужесточение санкций за последние три десятилетия в большей степени связано с сокращением доли основных участников международного производства и торговли, чем с обеспокоенностью, например, территориальной целостностью и правами человека. Исследование динамики санкций и их влияния на социально-экономическое развитие стран-лидеров по количеству наложенных санкций (Афганистана, Ирана, Ливии, Мьянмы и России) выявило цикличность процессов. После пика санкционного давления степень интенсивности снижается, хотя односторонние экономические меры, особенно финансовые, отменяются гораздо медленнее и их значение постепенно возрастает. Чаще отменяются торговые санкции, реже — визовые ограничения. Это свидетельствует о том, что влияние экономических санкций на страну, против которой введены санкции, в целом преувеличено или носит краткосрочный характер, а размер экономики страны, попавшей под санкции, остается значимым препятствием для дестабилизации ее развития. Однако для (экономически активного) населения эффекты санкционного давления более ощутимы, могут вести к возрастанию разрыва в доходах и благосостоянии населения объекта санкций относительно среднемирового значения. Санкции влияют на структуру экономической глобализации, предпринимаются для сохранения устоявшегося порядка распределения богатства и силового потенциала в пользу увядающих экономик США и Великобритании, но усиливают экономики, прежде всего, Китая, Индии и других возвышающихся держав. Авторские выводы и рекомендации направлены на совершенствование политики адаптации страны — объекта санкций.

Ключевые слова: глобальный экономический рост, институт экономических санкций, субъект и объект санкций, торговые санкции, финансовые санкции, визовые ограничения, эффекты санкционного давления, адаптационная политика

© Ниязова М.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования Ниязова М. В. Экономические санкции 1960–2022 гг.: цели, структура, влияние // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2025. Т. 25, № 2. С. 296–308. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-296-308>

Economic Sanctions, 1960–2022: Targets, Structure, Impact

Marina V. Niyazova

Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

 marinav.var@yandex.ru

Abstract. Economic globalization not only leads to significant changes in the international economic system, but also to the formation of the institution of economic sanctions. It identifies the targets, structure and consequences of economic pressure on sovereign states in the context of economic globalization. Methodologically, the study is based on the dialectical method, which implies the study of phenomena in constant development and interrelation, in addition to methods of comparative and structural analysis, abstraction, synthesis and others. A special feature of the study is the inclusion of data from the Global Sanctions Data Base together with the World Bank and the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) on the socio-economic indicators of the objects and subjects of sanctions since 1960. The author concludes that the intensification of sanctions over the past three decades has more to do with the declining share of major actors in international production and trade than with concerns about, for example, territorial integrity and human rights. A study of the sanctions' dynamics and their impact on the socio-economic development of the most popular objects (Afghanistan, Iran, Libya, Myanmar and Russia) reveals a cyclical nature of the processes. After the peak of sanctions pressure, the intensity of sanctions pressure diminishes, although unilateral economic measures are lifted more slowly, especially financial ones, the value of which gradually increases. It is evident that trade sanctions are more frequently lifted, while visa restrictions are less frequently imposed. This reveals the impact of economic sanctions on the sanctioned country in general is often overstated or considered to be short-term. The size of the sanctioned country's economy remains a significant barrier to negative effects. However, the effects of economic sanctions on the (economically active) population are more noticeable and may lead to an increase in the gap of their national income and well-being with the global level. The impact of sanctions on the global economic landscape is evident, with their intention being to preserve the prevailing distribution of wealth and power, favoring the declining economies of the United States and the United Kingdom while concurrently fortifying those of China, India, and other emerging economic powers. The following conclusions and recommendations are posited for the purpose of enhancing the adjustment policy of the sanctioned country.

Key words: global economic growth, institution of economic sanctions, subject and object of sanctions, trade sanctions, financial sanctions, visa restrictions, impact of sanctions, adjustment policy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Niyazova, M. V. (2025). Economic sanctions, 1960–2022: Targets, structure, impact. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 296–308. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-296-308>

Введение

Экономическая глобализация привела к значительным изменениям в международной экономической системе, с одной стороны, выступая «мощным фактором роста эффективности экономики, расширения экспорта, создания высокооплачиваемых рабочих мест, уменьшения издержек производства, повышения качества и доступности товаров для

потребителей» (Griswold, 2009), а с другой — способствуя достижению небывалых масштабов международной экономической взаимозависимости (Загашвили, 2022) и постановке вопроса о соотношении сил между странами (Бхагвати, 2005, с. 64–65). Глобализация также спровоцировала возникновение института экономических санкций и активное использование его инструментов современными

государствами в рамках глобального политико-экономического регулирования (Кашин, Пятачкова, Крашенинникова, 2020, с. 123; Минакир, 2022, с. 11; Тимофеев, 2022, с. 23; Hufbauer & Jung, 2020).

Научное сообщество в России и за рубежом проявляет все возрастающий интерес к изучению экономических санкций, систематизируя их и анализируя посредством юридических, экономических, политических и других методов (см.: (Ушкалова, 2022; Szasz, 1998)). Следует выделить исследования ретроспективных процессов применения санкций в качестве мер принуждения и последствия санкций. Отраслевые и региональные особенности, цели, последствия и стратегии противодействия санкциям рассмотрены в коллективной работе под редакцией И.С. Иванова, А.В. Кортунова и И.Н. Тимофеева (Политика санкций..., 2020) и монографии Е.Н. Смирнова (Смирнов, 2022). Профессор Н.В. Зубаревич (2022) предполагает, что санкции приведут к сокращению экономического неравенства регионов (но не доходов населения) страны-объекта и их выравниванию на более низком уровне. Академик В.М. Полтерович акцентирует внимание на необходимости «увеличения объема собственных инновационных разработок», «согласованности мегапроектов, программ и бюджета», а также консолидации «усилий государства, бизнеса и общества» (Полтерович, 2022). Академик П.А. Минакир (2022) исследует возможности России по реинтеграции в глобальную финансово-экономическую систему. Член-корреспондент РАН С.А. Афонцев рассматривает экономические санкции как инструмент торговых войн и фактор, способствующий росту протекционистских тенденций в мировой экономике (Афонцев, 2020), предлагая использование политико-экономического подхода при урегулировании конфликтов.

В рамках анализа правового поля экономических санкций (Петухова, 2017; Крицкий, 2021; Покровская, 2021; Карцхия, 2022) последние рассматриваются как нетарифные меры регулирования. Ученые также предлагают правовые средства защиты национальных

интересов и совершенствования международных институтов и международного права в условиях применения санкций. Существует также ряд работ, посвященных инструментарию государств, выступающих в качестве субъектов¹ и объектов санкций (Кашин, Пятачкова, Крашенинникова, 2020; Рипинская, 2022; *Economic Sanctions in International Law and Practice*, 2020), а также эффективности противостояния им².

Таким образом, с момента появления первых исследований об экономических санкциях на сегодняшний день накоплен значимый объем теоретических и эмпирических сведений по этой теме.

Вместе с тем работы, позволяющие выявить тенденции противостояния субъектов и объектов санкций, рассмотреть их направления и влияние на экономики последних практически отсутствуют. Более того, подавляющее большинство российских исследований санкций опирается на один источник — Базу данных санкционных событий Российского совета по международным делам³. Такая асимметрия может исказить реальность. Данное исследование направлено на то, чтобы заполнить имеющуюся лауну в анализе последствий применения санкций.

¹ Early B., Preble K. Enforcing Economic Sanctions: Analyzing How OFAC Punishes Violators of U.S. Sanctions // SSRN. 2018. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3306653 (accessed: 16.05.2023). См. также: (Alexander, 2009; Cooper Drury, 2005; Zarate, 2013; Тимофеев, 2022).

² См.: Felbermayr G., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y. V. On the Heterogeneous Effects of Sanctions on Trade and Welfare: Evidence from the Sanctions on Iran and a New Database // School of Economics Working Paper Series. 2020. No. 4. URL: https://ideas.repec.org/p/ris/drxlwp/2020_004.html (accessed: 12.12.2022); Kirilakha A., Felbermayr G., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y. V. The Global Sanctions Data Base: An Update that Includes the Years of the Trump Presidency // School of Economics Working Paper Series. 2021. No. 10. URL: https://ideas.repec.org/p/ris/drxlwp/2021_010.html (accessed: 12.12.2022). См. также: (Bapat et al., 2013; Nephew, 2017; Timofeev, 2019; Jones & Portela, 2020; Bělin & Hanousek, 2021).

³ Санкции ведущих стран мира // Российский совет по международным делам. 23.01.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/infographics/sanktsii/> (дата обращения: 16.05.2023).

Достижение поставленной цели требует решения ряда задач и использования диалектического метода, предопределяющего изучение явлений в постоянном развитии и взаимосвязи. В первом разделе представлен сравнительный анализ динамики санкций и отдельных показателей стран-лидеров по числу введенных против них санкций, и эти показатели определяют вклад данных стран в глобальную экономику (в сферы производства, торговли и инвестиций). Второй раздел посвящен более глубокому структурному анализу, направленному на выявление особенностей механизма экономических санкций⁴ по годам введения/отмены, объекту и субъекту санкций, видам мер давления, а также продолжительности их действия. В заключительном разделе охарактеризовано влияние санкционного давления на страны, в отношении которых продолжает действовать наибольшее число мер экономического давления.

Гипотеза исследования заключается в том, что, во-первых, активизация в последние десятилетия субъектов санкций связана, как представляется, скорее с сокращением их доли в международном производстве и торговле, чем, например, с заботой о территориальной целостности и правах человека, а во-вторых, последствия экономического давления на объекты санкций преувеличены.

Основным источником данных при изучении экономических санкций для нас стала Глобальная база санкций (*The Global*

⁴ Для целей исследования под институтом экономических санкций (в широком смысле) будет пониматься устойчивая совокупность норм и принципов, регулирующих глобальные политико-экономические отношения с участием государств и международных организаций по применению принудительных мер в торговой, финансовой, визовой и иных сферах, не связанных с использованием вооруженных сил; включает международные экономические санкции, принимаемые международными организациями в отношении своих членов на основе устава (например, 41 Устава ООН), и односторонние экономические меры давления отдельных государств (и их объединений), применяемые на основе национального законодательства в отношении третьих стран (их граждан и юридических лиц).

Sanctions Data Base, GSDB)⁵. Проект реализует международная группа ученых из Австрии, США и Германии. GSDB обладает рядом преимуществ. Она включает данные о санкциях с 1949 г., что намного превышает временной горизонт других аналогичных баз. Аккумулируемый в GSDB массив информации значительно превосходит альтернативные источники по широте и детализации сведений, что позволяет группировать данные о количестве санкционных пакетов в разных срезах, в том числе по субъектам и объектам санкций, видам мер давления (торговые, финансовые, визовые ограничения и т. д.) и др. Выборка включает более 170 стран. GSDB находится в публичном доступе, предоставляется по запросу и пополняется по мере введения новых санкций.

Как и любая база данных, GSDB имеет ряд особенностей. Так, информация в ней может быть сгруппирована по односторонним и многосторонним субъектам (*sender state/country*) и объектам (*target state/country*) санкций, но не позволяет ранжировать многостороннюю группу субъектов / объектов по видам мер давления. Хотя финансовые и визовые ограничения отнесены к «умным» (*smart*) санкциям⁶, их объекты определены в базе по национальному признаку, то есть по стране гражданства или государственной регистрации подсанкционного физического или юридического лица. Поэтому использование GSDB ограничено данными по отдельным странам без учета количества вовлеченных сторон и качественных характеристик санкций.

Для анализа социально-экономических эффектов применены данные Всемирного банка по странам об объеме валового внутреннего продукта (ВВП) и прямых иностранных инвестициях (ПИИ), численности

⁵ The Global Sanctions Data Base // GSDB. 2023. URL: <https://globalsanctionsdatabase.com> (accessed: 12.12.2022).

⁶ Kirilakha A., Felbermayr G., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y. V. The Global Sanctions Data Base: An Update that Includes the Years of the Trump Presidency // School of Economics Working Paper Series. 2021. No. 10. URL: https://ideas.repec.org/p/ris/drxlwp/2021_010.html (accessed: 12.12.2022).

населения, ожидаемой продолжительности жизни и душевого ВВП, что позволило проанализировать динамику уровня жизни в странах — объектах санкций. Также в исследовании использованы данные Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) о динамике экономического роста стран, сгруппированных по уровню экономического развития.

Глубина исследования ограничена интервалом 1960–2022 гг. из-за более короткого периода наблюдений по ряду показателей экономического развития. Отдельные данные (например, по ПИИ и группам стран (развитым и развивающимся)) доступны с 1970 г. или до 2022 г. (из-за двух-трехлетнего лага сведений, аккумулируемых международными организациями).

Экономический рост и санкции

По данным GSDB, в 1960–2022 гг. было введено более 2 300 пакетов международных экономических санкций и односторонних экономических мер давления, из которых к экономическим ограничениям относятся 78 %. 134 страны и международные организации (субъекты) применяли санкции в отношении 167 стран и международных организаций (объектов). Остановимся подробнее на анализе структуры этих мер давления и экономических показателей стран — лидеров по количеству введенных ими санкций.

В топ-5 субъектов, наиболее часто применяющих санкции, входят США, Европейский союз (ЕС), Великобритания, ООН и Норвегия. Целями международных экономических санкций, как правило, объявляются «поддержание или восстановление международного мира и безопасности (обеспечение мирных переходных процессов, предупреждение антиконституционных преобразований, сдерживание терроризма, защита прав человека и поощрение режима нераспространения)»⁷. Для остальных мер экономического

давления целью провозглашается предотвращение угроз национальной безопасности, внешней политики или экономики объекта санкций, противодействие терроризму и распространению оружия массового уничтожения (в первую очередь — ядерного оружия), борьба с нарушениями прав человека и т. д.

Динамика применения санкций сопоставима с изменением соотношения сил развитых и развивающихся стран. Как известно, последние десятилетия развитые страны «ускоренными темпами сокращали свою долю в мировом производстве и торговле в пользу развивающихся стран» (Загашвили, 2022, с. 6). По данным ЮНКТАД, доля развитых государств снизилась с 83 до 60 % в мировом ВВП, с 82 до 57 % — в мировом товарообороте и с 71 до 44 % — в мировых ПИИ⁸. Нагляднее зависимость между экономическими показателями и санкциями можно представить на примере ключевых субъектов — США (рис. 1) и Великобритании (рис. 2).

На рис. 1–2 отражена интересная тенденция в соотношении показателей экономического роста и числа вводимых санкций. Анализ индикаторов США и Великобритании выявил *x*-образную динамику, при которой вклад этих государств-субъектов в мировую экономику последовательно сокращается, в то время как количество их санкций — увеличивается. Так, в 1960–2022 гг. доля США снизилась с 47 до 26 % в мировом ВВП и с 15 до 11 % — в товарообороте, а Великобритании — с 7 до 3 % и с 10 до 3 % соответственно; динамика объема ПИИ также свидетельствует об отрицательном тренде. Вместе с тем число мер давления стран возросло с 5 до 1 253, при этом доля Соединенных Штатов в общемировой совокупности санкций составила 21 %, а Великобритании — 12 %. Таким образом, можно говорить о подтверждении первой части гипотезы.

⁷ Санкции Совета Безопасности // Организация Объединенных Наций. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information> (дата обращения: 22.04.2024).

⁸ Data Insights: What Do UNCTAD's Data Reveal? // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/insights> (accessed: 22.09.2023).

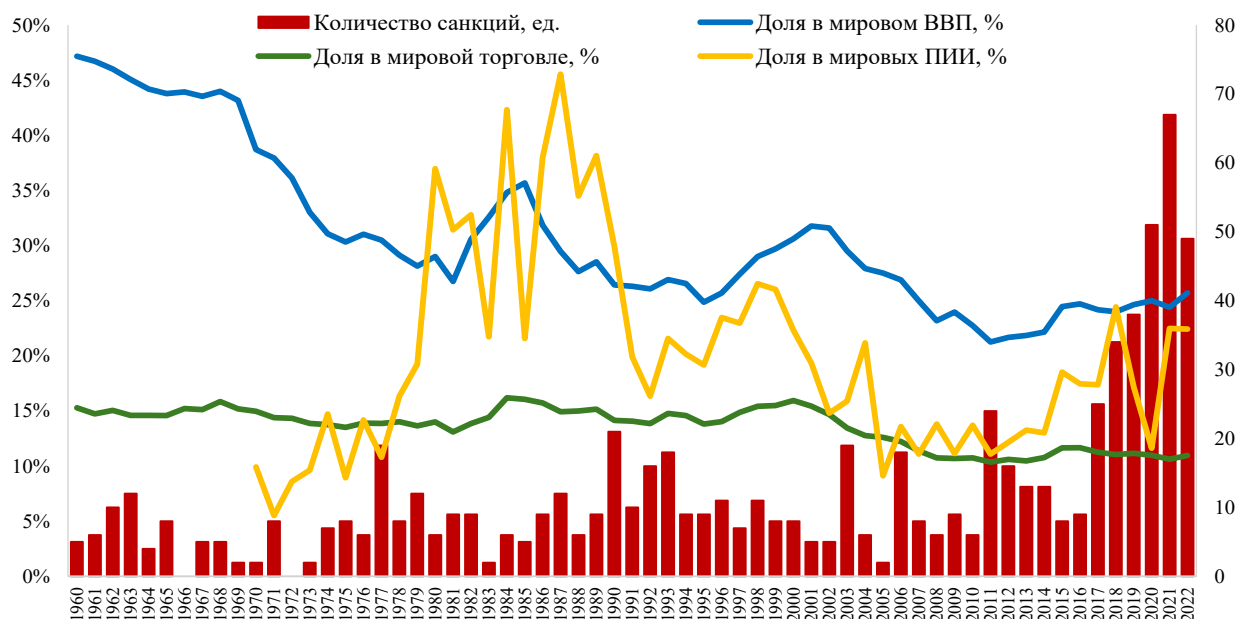

Рис. 1. Динамика санкций и вклада США в развитие мировой экономики по отдельным показателям в 1960–2022 гг.

Источник: составлено М.В. Ниязовой по материалам: The Global Sanctions Data Base // GSDB. 2023.
 URL: <https://globalsanctionsdatabase.com> (accessed: 22.09.2023); DataBank // The World Bank Group.
 URL: <https://databank.worldbank.org> (accessed: 22.09.2023).

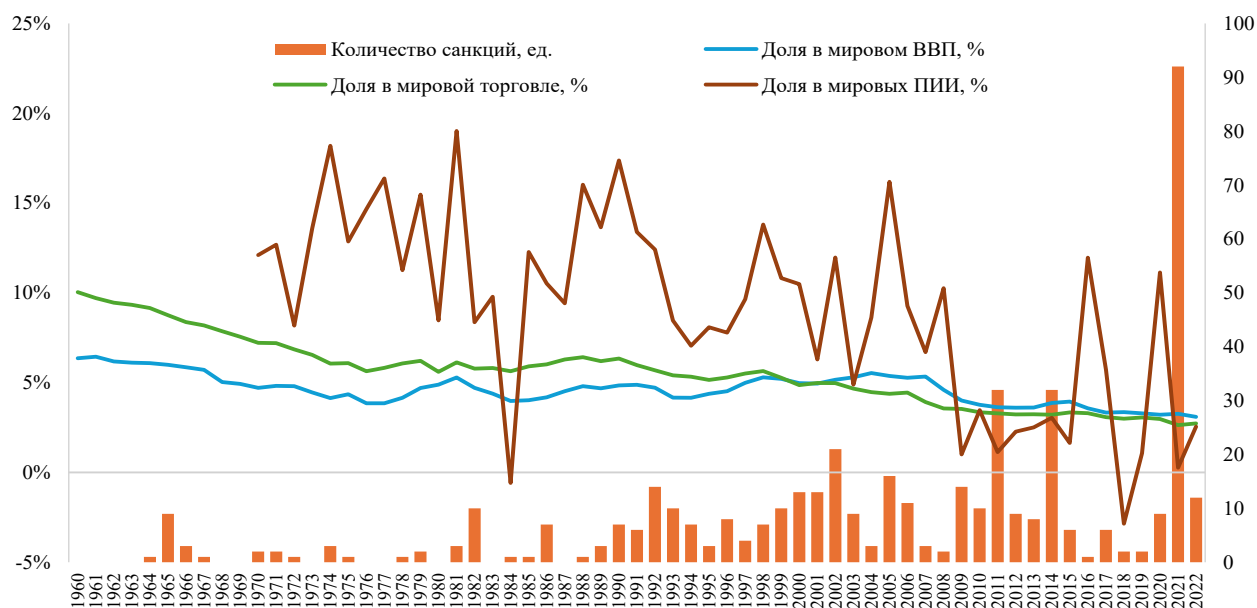

Рис. 2. Динамика санкций и вклада Великобритании в развитие мировой экономики по отдельным показателям в 1960–2022 гг.:

санкции Великобритании увеличены на количество санкций Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и ЕС, введенных в 1972–2019 гг., когда страна была членом этих организаций и, соответственно, голосовала за применение односторонних мер давления.

Общий объем введенных Великобританией односторонних мер давления — 454.

Источник: составлено М.В. Ниязовой по материалам: The Global Sanctions Data Base // GSDB. 2023.
 URL: <https://globalsanctionsdatabase.com> (accessed: 22.09.2023); DataBank // The World Bank Group.
 URL: <https://databank.worldbank.org> (accessed: 22.09.2023).

Тем не менее внешнеторговая стратегия, основанная на активизации односторонних мер экономического давления, слабо помогает восстановлению богатства и власти США и Великобритании, хотя эти страны пока еще входят в число десяти сильнейших экономик мира. В этих условиях выгоду получают, скорее, такие развивающиеся страны, как, например, Китай и Индия, значимость которых в глобальной экономике стабильно увеличивается. Так, по данным ЮНКТАД, в 1970–2022 гг. только доля Китая в мировом ВВП возросла с 2,7 до 18,0 %, в товарообороте — с 0,7 до 12,5 %, что позволило Китайской Народной Республике прочно занять вторую позицию в производстве (после США) и первую — в торговле⁹.

Структурный анализ санкций

Итак, как убедительно продемонстрировано М.А. Шалимовой, «интенсивность применения санкций со стороны как ООН, так и отдельных государств, в частности США и Великобритании, значительно возросла» и продолжает возрастать¹⁰. Санкции стали новым «источником богатства» наряду с традиционными источниками, которыми выступали «глобальные экономические открытия и колониализм» и «появление машин, способствующих промышленным революциям» в XV–XVII вв. (Далио, 2022, с. 94). По данным GSDB, если в 1960–1980-е гг. было введено 14 % санкций, то в 1990-е гг. — 15 %, в 2000-е гг. — 28 %, в 2010-е гг. — 31 %, а за первые два года 2020-х гг. уже действует 11 % от всех наблюдаемых санкций, из которых на ООН приходится только 5 %¹¹.

В отличие от односторонних мер пиковое значение международных экономических

санкций ООН пришлось на 2000-е гг. (36 %). В этот период на основании резолюций Совета Безопасности ООН были введены ограничения в отношении 15 стран.

Помимо ООН санкционную активность проявляют и другие международные организации — Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС) (10 стран), Лига арабских государств (ЛАГ) (15 стран) и Африканский союз (АС) (10 стран).

Увеличение доли односторонних мер давления свидетельствует о попытках развитых стран продлить и укрепить свое доминирование. Так, из 32 объектов санкций ЕС и 26 объектов санкций Великобритании только к половине применены международные экономические санкции Совета Безопасности ООН, в случае США эта доля составляет 58 % из 26 стран, Канады — 69 % из 29 объектов, а наибольшая доля наблюдается для санкций Австралии — 75 % из 20 стран.

В ряду субъектов санкций присутствует группа активных борцов с разного рода угрозами, всякий раз присоединяющихся к санкциям ЕС, в том числе из-за стремления стать полноправными членами этого международного объединения.

Также существует группа стран, которые редко присоединяются к международным экономическим санкциям, имеют ограниченный список объектов санкций и применяют меры давления в качестве контрсанкций (Индия, Индонезия, Китай, Республика Корея, Турция, Россия/СССР и др.).

При этом бóльшая часть введенных санкций уже снята. Так, отменена каждая вторая экономическая мера давления, введенная странами из числа топ-5 наиболее активных субъектов. Быстрее это происходит с санкциями ООН (69 %), а медленнее — с санкциями Великобритании (32 %). В случае ЕС и Норвегии доля отмен составила 57 %, в случае США — 50 %. Следовательно, международные экономические санкции ООН имеют более короткий срок применения, чем односторонние меры давления отдельных стран.

Определенная закономерность выявлена и в структуре экономических санкций. Так,

⁹ Data Insights: What Do UNCTAD's Data Reveal? // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/insights> (accessed: 22.09.2023).

¹⁰ Шалимова М. А. Комплаенс: глобальные экономические санкции // Финансовая сфера. Банковское обозрение. 2010. URL: <https://bosfera.ru/bo/komplaens-globalnye-ekonomicheskie-sankcii> (дата обращения: 22.04.2024).

¹¹ The Global Sanctions Data Base // GSDB. 2023. URL: <https://globalsanctionsdatabase.com> (accessed: 22.09.2023).

возросла доля финансовых мер, которая составила уже 29 % (торговые — 20 %, визовые — 18 %). Это может быть обусловлено лидирующей ролью развитых стран в мировом объеме ПИИ. Интересно, что чаще отменяются торговые санкции (62 %), реже — визовые ограничения (48 %). Среди финансовых санкций отменена только каждая шестая.

Эффективность применения международных экономических санкций и односторонних мер давления, о которой может свидетельствовать степень достижения целей, продекларированных при их введении, остается дискуссионным вопросом и отдельной темой, требующей специального рассмотрения. Далее остановимся на примерах объектов санкций, испытывающих всеобъемлющее санкционное давление в течение длительного времени.

Эффекты санкционного давления

Если группа лидеров среди субъектов санкций не вызывает сомнений, то лидеры среди объектов — вопрос дискуссионный, ответ на который зависит от критериев сравнения. Как следует из GSDB, по числу введенных санкционных пакетов к таковым можно отнести (в порядке убывания) Россию/СССР, Мьянму, Иран, Беларусь и Ливию. При сравнении по общему числу экономических санкций в число лидеров входят Афганистан, Мьянма, Россия/СССР, Беларусь и Гвинея. Однако по числу действующих в настоящее время мер экономического давления на первое место снова выходит Россия/СССР, далее располагаются Афганистан, Ливия, Словения и Зимбабве. В силу ограниченного объема статьи остановимся на России/СССР, Мьянме, Иране, Афганистане и Ливии.

По данным ЮНКТАД, эти страны имеют разный уровень экономического развития: Россия отнесена к развитым странам, Иран и Ливия — к развивающимся с высоким доходом, а Афганистан и Мьянма — к наименее развитым странам с низким доходом¹².

¹² Classifications // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/Classifications.html> (accessed: 22.09.2023).

Анализ динамики санкций *Афганистана* показал, что впервые они были применены к стране Соединенными Штатами в 1979 г. Затем их вводили ООН и группа стран (1996–2002 гг.), Новая Зеландия (с 2007 г.), США и коалиция (в 2011 г.), снова ООН (2015–2017 гг.), Великобритания (с 2020 г.) и вновь США (с 2022 г.). Преобладающий вид санкций относится к военно-промышленным ограничениям, но среди экономических на первом месте — финансовые (21 %), далее — визовые (16 %) и торговые (6 %) ограничения. Более половины санкций отменены (больше всего — торговые, затем финансовые и визовые).

Иран, так же как и Афганистан, испытывает меры экономического давления с 1979 г. преимущественно со стороны США и ООН. США применяют к Ирану санкции с небольшими перерывами на постоянной основе (1979–1981, 1984–2016, 1987–1995, 1995–2016 гг. и с 2017 г. по настоящее время). Совет Безопасности ООН принимал несколько резолюций по Ирану (2006–2016, 2007–2016, 2008–2016, 2010–2016 гг.). Односторонние меры давления в отношении этой страны использовали следующие государства: Япония (2006–2016 гг.), ЕС (2007–2016 гг.), Австралия (2008–2016 гг.), Республика Корея и Канада (2010–2016 гг.), ЕС и коалиция (2011–2016 гг.), Канада (с 2013 г.), Швейцария (2016 г.), вновь Республика Корея (с 2018 г.). Чаще всего к Ирану применяют финансовые (37 %) и торговые санкции (36 %), доля визовых ограничений не превышает 18 %. Снятие санкций происходит в обратной последовательности: больше всего отменено визовых ограничений (82 %), далее следуют торговые (79 %) и финансовые (77 %). Международные санкции Совета Безопасности ООН сняты с Ирана полностью.

В отношении *Ливии* санкции вводятся с разной интенсивностью, но регулярно. Впервые они были применены в 1978 г., затем в 1981–1986, 1992–1996, 2011, 2016–2017 и 2020–2021 гг. При этом за 2011 гг. было введено 69 % санкций. Основные субъекты односторонних мер давления — США, ЕС и коалиция государств. Также к стране

неоднократно применяли международные экономические санкции (1992, 1993 и 2011 гг.). Преобладают экономические меры давления: финансовые (28 %), торговые (26 %) и визовые (17 %). Сегодня отменена только пятая часть из них, продолжает действовать бóльшая часть односторонних мер и ряд санкций Совета Безопасности ООН. 73 % санкций снято в начале 2000-х гг. (торговые составили 25 %, финансовые и визовые — по 16 %).

Мьянма — объект активного внимания преимущественно со стороны европейских стран. Первые санкции были введены Китаем (1967 г.) на пять лет. Следующий этап начался в 1989 г. с участием США, Германии и Австралии. С 1996 г. Мьянма находится под постоянным экономическим давлением со стороны ЕС, Македонии, Черногории, Албании и т. д., а также США с несколькими периодами обострений (в 1996, 2000, 2003, 2010 и 2013 гг.) в финансовой (22 %), торговой (19 %) и визовой (18 %) сферах. Тем не менее 8 из 10 санкций было отменено в 2000–2010-е гг. Чаще снимают ограничения в финансовой сфере (25 %) и сфере туризма (21 %), доля отмененных торговых мер составляет 18 %.

В отношении *России/СССР* в настоящее время наблюдается пятый период ограничений. В послевоенное время страна впервые попала под санкции в 1962–1966 г. (санкции были введены Организацией Североатлантического договора (НАТО)). В числе субъектов выделим США (1979–1987 гг.), ЕС/Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) (1981–1983 гг.), США совместно с Великобританией, Японией и ЕС (1991 г.), Украину (1993–1996 гг.), Грузию (2008–2011 гг.), США и коалицию (с 2014 г.), а также Великобританию (с 2021 г.). К России преимущественно применяют экономические меры давления: финансовые (33 %), торговые (28 %) и визовые (19 %). В связи с тем, что основной объем санкций введен в 2022 г., доля отмененных ограничений незначительна (10 %).

Далее, используя данные Всемирного банка, выявим тенденции в динамике

отдельных социально-экономических показателей этих стран в период действия санкций. В целом, согласно расчетам автора, можно заметить краткосрочные всплески санкционного вмешательства (за исключением Мьянмы, которая находится под масштабными односторонними экономическими мерами давления более 20 лет) и отсутствие заметного влияния санкций на социальные показатели страны-объекта, такие как численность населения и продолжительность жизни.

Результаты анализа показателей *Афганистана* свидетельствуют о замедлении развития страны относительно мирового уровня. Вклад Афганистана в мировой ВВП и товарооборот составлял менее 0,05 % и сократился, к 2022 г. позиции страны в производстве и торговле ухудшились вдвое, что обусловило перемещение Афганистана в топ-200 стран по этому показателю. Всплески ПИИ происходили в 2002–2018 гг. с пиковым значением в 2005 г. (14 %), но в целом их объемы балансируют в пределах 1 %. Тем не менее с 1979 г. ВВП и товарооборот страны в абсолютных величинах выросли в 4 и 7 раз соответственно, что стало результатом стабильного роста этих показателей, наметившегося с середины 1990-х гг. Выделим также положительную динамику показателей численности населения и ожидаемой продолжительности жизни: значение первого увеличилось в три раза, а второго — на 59 % (с 39 до 62 лет). Подушевой ВВП вырос на 28 %, но разрыв со среднемировым значением возрос с 8 до 34 раз.

Развитие *Ирана* в 1979–2022 гг. также свидетельствует о снижении роли страны в глобальной экономике по отдельным показателям. С 1988 г. ВВП страны относительно стабильно растет в абсолютных величинах (в 4 раза), однако этого недостаточно для увеличения ее значения в мировом производстве: если в 1979 г. доля Ирана составляла 0,97 %, то в 2022 г. — 0,39 %. В товарообороте замечен более уверенный рост (в 7 раз), но также недостаточный для изменения позиции в мире, которая снизилась до 0,25 % (в 1979 г. — 0,56 %). Если до санкционных потрясений

страна входила в топ-20 лидеров в производственной и торговой сферах, то в 2022 г. — переместилась на 35-е место по ВВП, а по товарообороту — уже на 134-е место. Доля Ирана в мировых ПИИ незначительна и сокращается (с 0,4 до 0,09 %). Так же как и в Афганистане, видна положительная динамика показателей численности населения и ожидаемой продолжительности жизни. Население страны увеличилось относительно 1979 г. в два раза, а продолжительность жизни — до 74 лет (+15 лет). Подушевой ВВП возрос на 81 % (в 1979 г. — 106 %), но это соответствует 1/3 среднемировой величины. Периодические исследования Всемирного банка о расслоении доходов иранцев показывают сокращение концентрации благосостояния у наиболее обеспеченных 10 % населения — с 36,9 % в 1986 г. до 26,8 % в 2022 г.¹³

Ливия находится в активной фазе санкционного давления, ее вклад в мировое благосостояние — менее 0,1 %. До введения санкций доля страны в мировом ВВП составляла 0,33 % (1977 г.), а после сократилась в 6 раз, хотя в абсолютных величинах значение выросло в 2,5 раза. Во внешнеторговом товарообороте можно наблюдать схожую тенденцию: восьмикратное сокращение доли страны (до 0,12 %), но при трехкратном увеличении объема. В результате Ливия ухудшила позиции в глобальной экономике в производстве (с 31-го до 88-го места) и торговле (с 22-го до 118-го места). Динамика ПИИ — зеркальное отражение применяемых мер давления, поскольку пиковый рост ПИИ произошел в период значительного послабления санкционного режима (2004–2010 гг.), когда в страну было направлено 80 % всех инвестиций. Однако их доля остается незначительной в мировом масштабе. При росте численности населения в 2,6 раза и продолжительности жизни — на 28 % (до 72 лет) подушевой ВВП сократился на 7 %: если в досанкционный

период он превышал среднемировое значение в 4,2 раза, то сейчас — менее чем в 2,3 раза.

Социально-экономическое положение *Мьянмы* как объекта длительного и интенсивного давления выглядит оптимистично. Двойной рост ВВП не только сохранил, но и улучшил положение страны в мировой экономике (+4 п., 85-е место), увеличившись с 0,01 % (1966 г.) до 0,06 % (2022 г.). С 2006 г., еще до относительного послабления санкционного режима, страна стала привлекательнее для ПИИ (с пиковыми значениями в 2015 и 2017 гг. — 11 и 13 % объема инвестиций соответственно) и поднялась с 96-й на 84-ю позицию. Однако положение страны в мировой торговле ухудшилось (162-е место)¹⁴, несмотря на существенный рост объема (в 60 раз) и доли внешнеторгового товарооборота (с 0,03 до 0,07 %). О положительной тенденции развития свидетельствует и подушевой ВВП: разрыв со среднемировым уровнем сократился в 2 раза на фоне двукратного роста численности и увеличения до 67 лет продолжительности жизни населения (+39 %).

Сравнительный анализ развития *России* в 2022 г. относительно 1992 г. выявил следующее. Абсолютная величина ВВП имеет нелинейную динамику, но рост в 5 раз позволяет стране периодически входить в топ-10 сильнейших экономик мира (в 2008, 2011–2014, 2021–2022 гг., наивысшее достижение — 3 % в 2013 г.). Объем товарооборота сохраняется на относительно высоком уровне и соответствует топ-20 ведущих экономик: после пиков в 2008 г. (2,37 %) и 2012 г. (2,36 %) с 2014 г. значение балансирует между 1,6–1,8 %. Средняя доля России в ПИИ составляет 1,2 % (максимальное значение — 3,18 % в 2013 г., сократилось до 2,3 % в 2022 г.). Незначительно изменились численность населения (–0,03 %) и ожидаемая продолжительность жизни (+4,0 %). Подушевой ВВП увеличился в 5 раз и относительно среднемировой величины возрос с 67 до 120 %. При этом сократилось неравенство среди

¹³ Iran Poverty Diagnostics: Poverty and Shared Prosperity // The World Bank. November 2023. Report No. 185679. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099110623175541902/pdf/P1777150fa1dcd02108b55086af5f3268f5.pdf> (accessed: 12.12.2023).

¹⁴ Данные Всемирного банка по внешнеторговому обороту Мьянмы доступны с 1976 по 2019 г.

россиян¹⁵: концентрация благосостояния наиболее обеспеченного населения уменьшилась с 27,5 % (2014 г.) до 26,6 % (2021 г.).

Что общего между рассмотренными объектами санкций? Каждая из этих стран испытала на себе несколько циклов санкций, пиковое значение которых для Афганистана и Мьянмы пришлось на начало 2000-х гг., для Ирана и Ливии — 2010-х гг., для России — 2020-х гг. Следует также отметить, что финансовые санкции — основной инструмент экономического давления США и коалиции — реже отменяются субъектом.

Считается, что «санкции в отношении друзей и союзников субъекта санкций... обычно оказываются более эффективными, чем санкции в отношении врагов» (Политика санкций..., 2020, с. 91). Пролонгированное действие таких ограничений создает эффект постоянного давления на государство. Однако последствия зависят от размера экономики объектов и интенсивности санкций субъектов. Так, анализ показал, что наиболее чувствительным из объектов оказался Афганистан, а из показателей — товарооборот и ПИИ. Сопоставление прироста социально-экономических индикаторов анализируемых объектов подтвердило, что в первые 2–3 года после введения масштабных санкций абсолютные и относительные величины, отражающие экономический рост, снижаются, однако далее стремятся к восстановлению, демонстрируя положительную динамику. В большинстве стран сравнение величин подушевого ВВП свидетельствует о возрастании разрыва в доходах и благосостояния населения объекта относительно среднемирового значения. При этом снижается концентрация благосостояния у наиболее богатых граждан. Численность населения и ожидаемая

продолжительность жизни наименее подвержены воздействию санкционного давления в краткосрочной перспективе.

Следовательно, можно предположить, что представляемые общественности негативные последствия экономического давления на объекты санкций действительно преувеличены для страны в целом или носят краткосрочный характер. Особенно это справедливо для слабо интегрированных в глобальную экономику стран-объектов (имеющих в ней незначительную долю). Однако для (экономически активного) населения эффекты санкционного давления более ощутимы.

Заключение

Исследование целей, структуры и эффектов экономических санкций показало цикличность процессов. После пика санкционного давления степень его интенсивности снижается, хотя односторонние экономические меры отменяются значительно медленнее (особенно финансовые). Чтобы адаптироваться к санкциям с наименьшими потерями, важно понимать, что население страны больше и быстрее подвержено риску снижения покупательной способности и соответственно ухудшению качества жизни, а это в свою очередь может оказать отложенное негативное влияние на социально-экономическое развитие страны. При выборе подходов к адаптации следует исходить, скорее, из того, что основная цель санкций — это передел глобального «пирога».

В качестве нового источника богатства санкции влияют на международный товарооборот и ПИИ, обмен технологиями и перемещение населения (в том числе трудовых ресурсов). Тем самым санкции меняют не только характер экономической глобализации, но и способствуют поддержанию устойчивого порядка распределения богатства и силы в пользу увядающих экономик США, Великобритании и т. д. Однако если говорить о России, то попытки стран Запада ослабить российскую экономику подспудно вызывают эффект усиления экономик таких стран, как Китай и Индия, куда в условиях

¹⁵ Богатейшие беднеют быстрее всех // РБК. 13.10.2022. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/10/13/63453c3d9a79470c2cdf05ca?ysclid=m9pylrtdwp604480834> (дата обращения: 22.09.2023). По данным Росстата, в 2014–2022 гг. в России отмечено снижение неравенства в благосостоянии населения в результате сокращения доходов самых обеспеченных граждан (–1,6 %) в пользу увеличения остальных, в том числе беднейшей группы населения (+0,5 %).

санкционного давления перенаправляются торговые, финансовые и инвестиционные потоки из России.

Размер экономики страны, в отношении которой вводятся санкции, остается значимым барьером для дестабилизации ее развития. Интенсивность антироссийских санкций вызвала замедление темпов производства и сокращение объемов торговли страны, что также обусловило снижение вклада России в глобальную экономику в краткосрочной перспективе. Однако благодаря адаптации к новым условиям Россия остается в числе ведущих экономик мира. Благополучие россиян превышает среднемировое значение, уровень

неравенства в доходах находится между показателями США и Великобритании.

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют расширить значимые при формировании адаптационной политики представления о механизме санкционного давления и его последствиях. Дальнейшие исследования в этой области следует ориентировать на изучение конкретных правовых режимов и инструментов субъектов и объектов санкций, а также взаимозависимости социально-экономических показателей развития и динамики мер экономического давления (в том числе методами корреляционно-регрессионного анализа).

Поступила в редакцию / Received: 19.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 01.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Афонцев С. А.* Политика и экономика торговых войн // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 1. С. 193–198. <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-45-1-9>; EDN: TTTIWW
- Бхагвати Дж.* В защиту глобализации. Москва : Ладомир, 2005. EDN: QQPAWF
- Далио Р.* Принципы изменения мирового порядка : почему одни нации побеждают, а другие терпят поражение. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022.
- Загашвили В. С.* Экономическая глобализация и региональная интеграция в постковидную эпоху // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 4. С. 5–13. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-4-5-13>; EDN: UTRUBF
- Зубаревич Н. В.* Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 226–234. <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>; EDN: EVVYVQ
- Карцхия А. А.* Режим санкций: правовой аспект публичного и частноправового регулирования // Мониторинг правоприменения. 2022. № 2. С. 2–10. <http://doi.org/10.21681/2226-0692-2022-2-2-10>; EDN: YFBFWT
- Кашин В. С., Пятачкова А. С., Крашенинникова Л. С.* Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 123–138. EDN: DXBKYE
- Крицкий К. В.* Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань : Казанский федеральный университет, 2021. EDN: JMXGVU
- Минакир П. А.* Мировая экономика: идеальный шторм // Пространственная экономика. 2022. Т. 18, № 2. С. 7–37. <http://doi.org/10.14530/se.2022.2.007-037>; EDN: IVXNYC
- Петухова Т. Н.* Правовые основы экономических санкций // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2. С. 158–160. EDN: YSUAVV
- Покровская Н. В.* Обязательства России по Протоколу о присоединении России к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань : Казанский федеральный университет, 2021. EDN: СККPSL
- Политика санкций: цели, стратегии, инструменты / под ред. И. С. Иванова, А. В. Кортунова, И. Н. Тимофеева. Москва : НП РСМД, 2020. EDN: GPYYRX
- Полтерович В. М.* Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 238–244. <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-17>; EDN: TUHDKX
- Рипинская П.* Иран. Экономика под санкциями. Москва : АСТ, 2022.
- Смирнов Е. Н.* Экономические санкции: теория и международная практика. Москва : Русайнс, 2022. EDN: NASTGA
- Тимофеев И. Н.* Политика санкций США на уровне исполнительной власти // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 3. С. 23–32. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-23-32>; EDN: ISPDTG

- Ушкалова Д. И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 218–226. <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>; EDN: OGZSKI
- Alexander K. *Economic Sanctions : Law and Public Policy*. London : Palgrave Macmillan, 2009. <https://doi.org/10.1057/9780230227286>
- Bapat N. A., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan T. C. Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data // *International Interactions*. 2013. Vol. 39, iss. 1. P. 79–98. <https://doi.org/10.1080/03050629.2013.751298>
- Bělin M., Hanousek J. Which Sanctions Matter? Analysis of the EU/Russian Sanctions of 2014 // *Journal of Comparative Economics*. 2021. Vol. 49, iss. 1. P. 244–257. <http://doi.org/10.1016/j.jce.2020.07.001>; EDN: EVRHMX
- Cooper Drury A. *Economic Sanctions and Presidential Decisions : Models of Political Rationality*. New York : Palgrave Macmillan, 2005. <https://doi.org/10.1057/9781403976956>
- Economic Sanctions in International Law and Practice* / ed. by M. Asada. London : Routledge, 2020. <https://doi.org/10.4324/9780429052989>
- Griswold D. *Mad About Trade: Why Main Street America Should Embrace Globalization*. Washington, D.C. : Cato Institute, 2009.
- Hufbauer G. C., Jung E. What's New in Economic Sanctions? // *European Economic Review*. 2020. Vol. 130. Art. 103572. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2020.103572>; EDN: FSLNGO
- Jones L., Portela C. Evaluating the Success of International Sanctions: A New Research Agenda // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*. 2020. No. 125. P. 39–60. <https://doi.org/10.24241/rcai.2020.125.2.39/en>; EDN: IOLKON
- Nephew R. *The Art of Sanctions. A View from the Field*. New York; Chichester; West Sussex : Columbia University Press, 2017. <https://doi.org/10.7312/neph18026>
- Szasz P. *The Law of Economic Sanctions* // *International Law Studies*. 1998. Vol. 71, iss. 1. P. 455–481.
- Timofeev I. N. Rethinking Sanctions Efficiency // *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17, no. 3. P. 86–108. <http://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-86-108>; EDN: OTBAIS
- Zarate J. C. *Treasury's War : The Unleashing of a New Era of Financial Warfare*. New York : PublicAffairs, 2013.

Сведения об авторе:

Ниязова Марина Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Владивостокский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 2707-2048; ORCID: 0000-0001-5638-6959; e-mail: marinav.var@yandex.ru